

Аллеон Труштэ

ЕВГЕНИЙ НЕГЛИНКИН

Роман в стихах

Самиздат – 2010

©Аллеон Труштé
[Леонид Трудлер, Александр Штерн (в ред. В.С. Булыгина)]

ЕВГЕНИЙ НЕГЛИНКИН

Роман в стихах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман написан в 1939–1940 учебном году.

Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность за помощь в работе члену—корреспонденту АН СССР проф. Привалову И.И. и доценту Гуревичу А.Б., чьи лекции по ТФКП (теории функций комплексного переменного) и политэкономии были использованы при написании романа.

Песнь первая

Не хочу учиться — хочу жениться.

Д.В. Фонвизин

Умри, Денис, лучше не напишешь!

Автор

I

Горит восток зарёю новой,
Звенит будильник полчаса,
Сыр коркою своей багровой
Ласкает взор. И колбаса,
Глазами сальными сверкая,
Как одалиска молодая
На блюде томно возлежит,
Студента взор к себе манит.
О, колбаса, еда студента!
Едина ты питаешь нас,
Порой сочна, как ананас,
Порою твёрже монумента;
Тобой лишь дышит и живёт
Студентов радостный народ.

II

Но молодой герой поэмы
Вставать не торопился. Он
Любил поспать, как любим все мы.
Докучный отгоняя звон
Глаза в томленье закрывает,
Как вдруг (о, ужас!) возникает
Сквозь безмятежных грёз туман
Виденье грозное — декан!
Сияют краги жёлтым блеском,
Рукою твёрдой он как раз
Ужасный подписал приказ,
И искры рассыпают с треском
Его орлиные глаза,
Он весь, как Божия гроза!

III

Герой, что сделалось с тобою?
Где безмятежной лени вид?
Как бы холодной водою
Внезапно бедный был облит.
Вскочил с постели, вмиг оделся,
Умылся, и за стол уселся,
Не замечая ничего:
Декан, декан глядит в него!
И утро всё герой наш бедный
Куда бы взор ни обращал
И чтоб ни делал, всё витал
Над ним декана призрак бледный.¹
Так коршуна завидя тень,
Наседка мечется весь день.

IV

Шумит, гремит трамвай московский,
От крика стёкла дребезжат,
И долго шума отголоски
За ним по улице летят.
Но кто всех яростней дерётся?
Чей глас всех громче раздаётся?
То горемычный наш герой
Висит, держась одной рукой.
Друзья толкучего трамвая!
Пока он там шумит, орёт
(Хотя билета не берёт!)
Томить вас доле не желая,
Без промедленья, сей же час,
С героем познакомлю вас.

V

Неглинкин, добрый мой приятель,
Мехматской нивы яркий цвет,
Гурсá, Привалова читатель,
Танцор, проказник и поэт

¹ Интернет-вариант двух (с предыдущей) строк:
*С тяжёлым топотом скакал
За ним декана призрак медный.*
(Прим. ред.)

Был москвичом. Из школы средней
Унёс он, кончив класс последний,
Свой аттестат, новейший блюз,
Да слабых знаний лёгкий груз.
Он по-немецки еле-еле
Мог изъясняться и писать,
Мог старосте невинно лгать,
Прогуливая по неделе.
Чего ж ещё? Мехмат решил,
Что он умён и очень мил.

VI

К безделью приучившись в школе
Себя он здесь не утруждал:
Во время лекции, на воле
По коридорам он гулял
С лицом задумчивым и нежным.
Когда ж прогульщикам мятежным
Пришла тяжёлая пора,
И грозные выговора
Посыпались, худого слова
Не молвив, он на задний ряд
Придя садился, и подряд
Читал Бальза́ка и Баркова,
Спинозу, Уткина, Мюссе —
Ему любезны были все.

VII

Неглинкин был в глазах доцентов
Неглу́пый малый, но ленив.
Он чтит профессоров. Студентов,
В них нрав беспечный оценив
Считал он верными друзьями,
И часто, часто вечерами
В пивной с компанией сидел,
И пиво пил, и раков ел.
Не избегая наслаждений
Там часто сиживал и я,
Но сла́бо пиво для меня!
Но в чём он истинный был гений,
К чему стремился вновь и вновь,

Была, друзья мои, любовь!

VIII

Одетый, как московский денди
(По современному — *пижон*),
Он вёл поить дешёвым бренди
Наивных дев, и страстных жён.
Любил в фривольном разговоре
Удачный уловив момент
Ввернуть двузначный комплимент,
Коснувшись, будто невзначай,
Высокой груди иль плеча.
Никто, как он, не мог умело
С учёным видом знатока
Погладить ножку, иль бока,
Болтать о том, о сём, пока
В огромном парке не темнело.
И, наконец, под рокот струй
С губ алых выпить поцелуй,
Последний страх развеять смело,
И... но нескромен разговор,
Стыдливо мы потушим взор.

IX

Однако, долго мы болтали,
Куранты быют девятый раз,
Пока вам тут мы рисовали
Портрет героя без прикрас.
Трамвай по Моховой тащился,
Евгений, в нетерпенье, злился
И подтолкнуть желал бы он
Ползущий медленно вагон.
Но вот он, дом голубоватый,
Евгений на часы глядит,
И вдруг — прыжок, и вот — летит,
Летит *Шершевскою* гранатой,²
И (в мыслях!) рассыпая мат,
Взлетел Неглинкин на мехмат!

² т. е. учебной гранатой, которую требовалось бросать на дальность при сдаче физкультурных норм ГТО („Готов к труду и обороне“), см. с. 8. (*Прим. ред.*)

Песнь вторая

Оставь надежду, всяк сюда входящий.
Данте «Божественная комедия», ч. 1

I

Звенит звонок. Толпой нестройной
Студенты медленно бредут
К дверям. Прогульщик беспокойный,
Презрев учёбы славный труд,
Всех встречных на пути толкая,
Летит, как серна молодая,
Желая свой запутать след.
Так вор, в боязни жёсткой таски,
Скрав чемодан, скорей идёт
На площадь, где где кипит народ,
И там гуляет без опаски.
Не поступай, читатель, так,
Коли себе ты сам не враг!

II

Ещё один, ещё: с диффуров,
С анализа, с ТФКП
Бегут оне. Кто раб амуров,
Кто устремляется к толпе,
Буфет набившей. Тяжкой тучей,
Отряды вольницы летучей
У стойки, яростно крича,
Ножами рубятся сплеча!
Там бой идёт за ложки чайны,
Там, жадно раззевая рот,
Рвут два студента бутерброд,
Тот, завтрак получив случайно,
Не прожевав, глотает вдруг
Пока не вырвали из рук.

III

Но возвратимся вновь к герою.
Вот, словно туча саранчи,
Рой опоздавших мчит стрелою,

Меж них Неглинкин. Проскочив
Пред носом лектора, садится,
И вид принять учёный тщится,
Но безуспешно: он попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.
Ещё в глазах горит отвага,
Угроза в сжатом кулаке,
Но вот — перо в его руке
И перед ним лежит бумага:
Он чертит формул сложных тьму
Не понимая, что к чему.

IV

Но скоро чувства в нём остыли,
Он стал рассеянной писать.
Ему дурным примером были
Соседи. Он закрыл тетрадь,
На стуле томно растянулся,
Взглянул на доску, усмехнулся,
На лектора рукой махнул,
Отворотился и вздохнул.
И молвил: «Всех пора на смену;
Науки долго я терпел,
Но и анализ надоел».
Хандру свою обыкновенну
Вновь ощутив, зевнув, он стал
Осматривать знакомый зал.

V

Прекрасный зал (он был построен
Во вкусе русской старины)
Высокой чести удостоен:
Мехмата гордые сыны
За растрясёнными столами
Сидят нестройными рядами;
Иные — на доску глядят,
Иные — весело галдят.
Неглинкин смотрит: вон Гаврила
Сидит, как идол, недвижим,
А подмастерья перед ним
(Словно мартышки пред гориллой)

Кишат. От скуки он зевнёт,
И бицепс щупать им даёт.

VI

Вот у окна, смотря направо,
Он видит: грозный, как утёс,
Простёрт недвижно, величаво,
Поросший мохом длинный нос.
Под носа благодатной сенью,
Объяты негою и ленью
Спят три студента. Ветерок
Из носа веет. Весь урок
Они невинно почивают,
И лектора орлиный взор,
И близ сидящих разговор
Счастливец сих не достигают,
А к носу прочно прикреплен
Шершевский — удалой спортсмен!

VII

Такой прекрасный нос имея,
Умом он скромным обладал.
Он не читал Хемингуэя,
Зато «Повольников»³ читал.
Не люди рядом с ним сидели —
Лежали тяжкие гантели,
Гранаты, ядры . . . Но спортсмен
Был очень сильно удручен,
Что прыгнул только на полметра
Ведь год прошёл уже сполна,
Как он гантель на рамена
Взял, бросив циркуль геометра,
Чтоб нормы сдать на ГТО.
А всё не сдал он ничего!

VIII

Он пред студенческой толпою
Небрежно бросил свысока:
«Пройдёт два месяца — звездою

³Повесть (1922 г.) А.С. Трифонова-Яковлева (1886–1953) о революции 1917 г. в Поволжье. (*Прим. ред.*)

На отвороте пиджака
Блеснёт значок». Студенты робко,
Но всё же спорили. — «Коробку
Конфет, иль пиво ставлю я!»
— Что ж, принимаем. — «Ну, моя
Победа будет!» И без счёту
Он начал заключать пари,
И скоро кружек сотни три
Набралось. Бодро за работу
Нелёгкую принялся он,
И ездить стал на стадион.

IX

Так год прошёл. Но результаты...
О них и говорить смешно,
А обнаглевшие ребята
Уж пиво требуют давно.
Но он свой нос высоко носит,
Лишь на два дня отсрочки просит,
И обвинять во всём готов
Своих ленивых тренеров.
Евгений обратился к Саше:
— Я слышал, ты все нормы сдал?
Мне это Гаврик рассказал.
Иль, может, пиво будет наше? —
«Слабец!», — Шершевский отвечал,
И длинным носом покачал.

X

«Но почему, — читатель спросит, —
О юных девах слова нет?
Где пол прекрасный? Он приносит
Нам столько радостей и бед!
Так отчего же из поэмы,
Которую с восторгом все мы
Читаем, не глядит на нас
Лукавство тёмно-карих глаз?»
Сказать по правде — я робею
Петь деликатный сей предмет.
Но коль пути иного нет
Что ж, напишу я как умею.

Но здесь кончаты приходит срок,
Тем более — звенит звонок!

Песнь третья

Люблю тебя, Петра творенье.
(*А.С. Пушкин — А.П.[!] Керн*)

I

Как звать её? Марусей? Аней?
Ба, Таней! — именем таким
Страницы моего романа
Не первые мы освятим.
Оно приятно, очень звучно,
И с ним должны быть неразлучны
Печальный нрав, и томный вид,
Зелёно-жёлтый цвет ланит,
Простуда при любой погоде,
Трёх нянь докучливый надзор,
Роман Жанлис и прочий вздор.
Но нынче всё это не в моде:
И девушка в наш юный век —
Вполне нормальный человек!

II

Итак, она звалась Татьяной.
Её восторженный поэт
Сравнить решился бы с Дианой.
И алых губок яркий цвет,
И глаз лазурное сиянье,
И груди томной трепетанье —
Всё взоры привлекало к ней.
Она была всего милей,
Когда на лекции сидела
И, чуть головку наклонив,
Спеша, писала вкось и вкривь,
Меж тем, как вокруг неё гудела
Толпа студентов. Как пчела
В трудах своих она была.

III

Неглинкин стройностию стана
И блеском хладного ума
Мечты невинные Татьяны
Смутил. Не ведая сама
Она уже его любила,
Когда, стыдясь себя, следила
Из-под опущенных ресниц,
Как между тривиальных лиц
Являлся бледный лик героя,
Такой изящный и простой,
Такой печальный и живой.
И вот в ней сердце молодое
Забилось страстно, и само
Ей шепчет нежное письмо.

IV

Письмо Татьяны предо мною,
Вот я в руке его держу,
Читаю с тайною тоскою,
Но вам его не покажу.
Вам не понять ни юный трепет,
Ни свежих чувств невинный лепет,
Сердечных мук, огня в крови —
Вам не понять её любви!
Как тонко мысль её являла
Себя среди неровных строк,
Как был изящен нервный слог,
Когда она ему писала
И предлагала щедрый дар:
Конспект, и сердца первый жар!

V

Неглинкин, кавалер умелый,
Видавший виды ловелас,
Конверты с подписью несмелой
Вскрывал уверенно не раз.
И Тани милое посланье
Его усталое вниманье
Не приковало. Даже взять
Он отказался и тетрадь,

Решив: «Какого чёрта, право!
Зачем мне бабская мазня?
Ведь не умней она меня,
Я без конспекта сдам на славу!»
И вот, когда звонок запел,
К Татьяне наш герой подсел,

VI

И молвил: «Вы ко мне писали.
Я очень тронут и польщён,
Но, понимаете, едва ли
Для чувств высоких я рождён.
А что касается тетради —
Зачем она! Потехи ради?
Ведь я анализ не учу
И заниматься не хочу».
— Ах, Женя, — Таня отвечала,
Ну, пусть не любишь ты меня,
Но чем тетрадь тебе мешала?
Вчера вот у доски не взял
Ты очень лёгкий интеграл!

VII

«Быть можно дельным человеком
И интегралы не решать.
К чему напрасно спорить с веком,
Зачем других опережать?
Мне опостылели науки,
Меня тошнит от этой скуки.
Ну, что ты мне конспект суёшь?
Ему цена-то — медный грош!
Пусть знания мои хромают,
Но погоди, придёт зима
И убедишься ты сама,
Как я „отлично“ нахватаю!»
И, бросивши тетрадь на стол,
В пивную наш герой пошёл.

VIII

Едва дыша, от оскорбления
Как мрамор критский побелев,
Внимала Таня без движенья,
С трудом свой сдерживая гнев
К Евгения обидной речи.
Лишь тихо вздрагивали плечи,
И непослушная слеза
Едва туманила глаза.
Когда ж Евгений удалился,
Она склонилась к рукам,
И сразу по её щекам
Поток алмазный покатился!
Любви и горечи полна,
Так долго плакала она.

IX

А наш герой, собой довольный,
Надев потёртый редингот,
Вдоль по Тверской походкой вольной
В бар, что на Пушкинской, идёт.
И там, за кружкой пивною,
Компаньей окружён хмельною
Он с лёгким смехом рассказал,
Как ловко Таню отчитал.
Теперь ты видишь, мой читатель:
Евгений поступил как хам,
Его за то ругал я сам
И мне он больше — не приятель!
Мне тошно про него писать,
К тому ж и песнь пора кончать.

Песнь четвёртая

На экзаменах глупцы предлагают вопросы,
на которые мудрецы не могут ответить.

Оскар Уайльд

Все студенты обязаны сдавать экзамены за полный
курс прослушанных ими предметов.

Из зачётной книжки

I

Зима. Студенты, нос повесив,
В читальню обновляют путь.
По градам вольным и по всеям
Молва: «Экзамены грядут».
И лишь известье прокатилось,
Как разом всё зашевелилось,
Всё громче, громче этот шум!
Студент становится угрюм,
Теряет аппетит, веселье,
Забросил книги и кино,
Небрит, нечёсан он давно.
Прощай, привычное безделье,
Прогулов тайных тишина —
Пришли худые времена.

II

Теперь студент, встав спозаранку,
(А как хотелось бы поспать!)
Мчит, на ходу жуя баранку,
В читальне очередь занять.
Рукав засучивая, франты,
Чихая, тянут фолианты
Из-под кровати, где зазря
Они валялись с сентября.
По залам бродит люд печальный,
Во МХАТе легче кресло взять,
Чем стул свободный отыскать
В забитой до краёв читальне.
Там громкий гул и тяжкий дух;
Чтоб не заснуть — зубрят все вслух.

III

И я свои младые лета
В читальне славной проводил.
Ах, много кануло их в Лету
Весёлых дней; но всё мне мил
Страниц журнальных шелест нежный,
Когда рукой вода прилежной
По белым девственным листам,
До вечера сидел я там.
Как любви мне твои чернила,
Зелёный свет твоих лампад,
Студентки юные сидят,
Головку наклонивши мило
Над жёлтым томиком Гурса,
И нежной ручкой волоса

IV

Чуть поправляют. Здесь впервые
Мою Адель я увидал,
Любви восторги молодые
Здесь я впервые испытал!
Я помню вечер: наши взоры
Скрестились как-то. Разговоры
Сперва случайно начались,
Но, между тем, мы увлеклись
И полюбили. О, как сладко
Мне было, когда я ей взял
Смущаясь, первый интеграл⁴.
Я до сих пор из той тетрадки
Храню поблекшие листы.
О! с кем теперь решаешь ты?

V

Но полно сердца жар напрасный
Воспоминаньем растревлять.
Вперёд же, мой рассказ несвязный!
Теперь хочу я описать
В зелёной глубине читальни
Забытый всеми угол дальний,

⁴Под первым интегралом здесь понимается первый по времени интеграл. Не путать с первым интегралом дифференциального уравнения n -го порядка. (*Прим. авт.*)

Где мой Евгений за столом
Сидит с измученным лицом.
С утра он ворох книг листает,
То пишет чисел длинный ряд,
То чертит формулы подряд —
И ничего не понимает . . .
Разочарованный и злой
Идёт в одиннадцать домой.

VI

Нет, поздно! Видит мой Евгений,
Что времени отрезок мал.
И хоть по-прежнему в свой гений
Он верить не переставал,
Хотя он был всё в той же мере
В своих способностях уверен,
И гордость ложная ему
Досель с вопросом к ни к кому
Не позволяла обратиться —
Теперь он с болью осознал:
«Конспект — иль завтра я пропал!»
И уж по лестнице он мчится,
Не уставая повторять:
«Тетрадь! Полжизни за тетрадь!»

VII

Вы догадались уж заране,
Куда помчался наш герой:
К ней, к ней — к отвергнутой Татьяне!
Смотри, не поздно ль, милый мой?
Не без жестоких колебаний,
Мучений гордости, страданий,
Себя переборовши, он
Пришёл к Татьяне на поклон.
И вот, с поникшею главою
Он перед Танею стоит
И, запинаясь, говорит:
«Да, виноват я пред тобою,
Был груб и низок мой ответ,
Я знаю, мне прощенья нет!»

VIII

«Но ты своей душою чуткой
Должна простить, должна понять,
Спаси меня из бездны жуткой,
Верни мне жизнь — дай мне тетрадь!»
Татьяна холодно внимала
Ему, и с болью вспоминала
Те дни, когда была она
В такого *типа* влюблена.
Потом промолвила сурово:
— Теперь иные времена,
Тетрадь другому отдана! —
И больше не сказав ни слова,
С поднятой гордо головой
Ушла. Остался наш герой...

IX

Ушла последняя надежда,
И лик грядущего суров:
Стоит беспомощный невежда
Перед толпой профессоров.
Теперь на их проспекте праздник,
Кричат: «Попался, безобразник!
Ужо, разбойник, будешь знать,
Как нам на лекциях мешать!
А ну, возьмём его в работу!»
Тут грозный гул по всем прошёл,
И тащат длинный, чёрный кол!
Евгений вскрикнул, и по поту,
Покрывшему его главу,
Понял, что бредил наяву.

X

Я вижу: вам героя жалко,
Экзамен завтра, он — пропал.
Не тут то было! Он шпаргалку
Всю ночь, до утра составлял.
Пусть утром казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни:
Шпаргалка вышла хороша!
О, как звенит его душа,

Когда трепещут под руками
Два листика, куда вписал
Он многих лекций матерьял
Миниатюрными значками!
И, спрятав бережно на грудь
Шпаргалку, он пустился в путь.

XI

Идёт, на мертвеца похожий,
Вдаль устремив застывший взгляд,
И долго встреченный прохожий
Глядит испуганно назад!
Бежавшая спокойно кошка,
Которой лапу он „немножко“
Носком тяжёлым придавил
Кричит из всех кошачьих сил!
Евгений их не замечает,
Он, белый, словно полотно,
Губами бледными одно
Определение повторяет:
*«Двух уравнений результат
Особый есть детерминант».*

XII

Но вот мехмат. Евгений мнётся,
В замочну скважину глядит,
Вздыхнув, за дверь рукой берётся
И в залу входит. Страшный вид!
Доцент, профессор — колют, режут,
Вой, вскрики, плач, зубовный скрежет,
Пытаемых студентов стон —
И смерть, и ад со всех сторон!
Нет, не могу. Кладу перо я.
Чтоб описать кровавый пир
Потребен, минимум, Омир!⁵
Смутилось в голове героя,
Нетвёрдо он шагнул вперёд,
Миг — и задание берёт.

⁵Гомер; в транскрипции с французского, принятой во времена А.С. Пушкина.
(Прим. ред.)

ХІІІ

Заданье взято — жребий брошен.
Евгений сердцем вновь выиграл,
Нимало он не огорошен
Тем, что ни капли не понял
В сей теореме. Оглянувшись,
И низко над столом нагнувшись,
Шпаргалку ловко он достал,
И пишет. Вдруг пред ним предстал
Профессор в гневе величавом!
Но здесь героя моего
В минуту, злую для него
Я оставляю. Он со славой —
С позором кончил ли — как знать!
Мне завтра самому сдавать!

Конец